

Приветствие Гиты Львовны Выготской участникам конференции

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Я рада приветствовать вас всех собравшихся в Праге. Я искренне благодарна вам за тот интерес, который вы проявляете к судьбе и творчеству моего отца, Льва Семёновича Выготского. Теперь это имя хорошо известно в мире. Мне доводилось несколько раз принимать участие в конференциях, которые собирали представителей всех пяти континентов. Его работы издаются в десятках стран, во многих странах пишутся книги о нём. Но ведь несколько десятков лет назад я хорошо помню то время, не только нельзя было сослаться на Льва Семёновича, но и не рекомендовалось даже упоминать его имя. Негде было прочитать его работы даже тогда, когда официальный запрет с его имени был снят. Потому что в годы, когда его имя было запретным, значительное количество его книг было просто уничтожено. Выросло целое поколение психологов не знавших о нём. Мне и моим сверстникам повезло больше. Мы имели счастье слушать лекции его учеников, которые, несмотря на все запреты, устно рассказывали нам о нём и его работах. А те немногие работы, которые были у меня дома, я потихоньку носила читать моим сокурсникам и передавала им так тайно, как будто это была нелегальная литература. Сейчас всё – слава Богу! – поменялось. Я не стану вам рассказывать о творчестве Льва Семёновича, вам надлежит обсуждать это все ближайшие дни. Я хотела поделиться с вами такими воспоминаниями, которые вы ни от кого, кроме как меня, не можете услышать. Я хочу рассказать вам, как Лев Семёнович работал в детской психологии.

Он работал в разных отраслях психологии, но расскажу я вам то, что я испытала сама на себе. Всё своё детство я была неизменно и

постоянно испытываем Львом Семёновичем. На мне и на моих брате и сестре он отработывал, уточнял, корректировал различные методики. Мы были первыми постоянными испытуемыми. Я хорошо помню, как Выготский работал с методикой Сахарова. А в 30-ые годы, когда он увлёкся опытами Кёлера, он повторял у нас дома, на нас детях те опыты, которые Кёлер проводил с человекообразными обезьянами. Он на полу выкладывал нечто вроде лабиринта, в середине которого помещался мандарин. Неподалёку лежала палка, которой мы должны были этот мандарин провести через лабиринт. И если это нам удавалось, нам доставался мандарин, и в таком случае Лев Семёнович радовался ни чуть не меньше, чем мы. Стимул для нас был весьма существенный, потому что мандарины мы ели крайне редко.

Но даже тогда, когда речь не шла о лабораторных таких опытах, он записывал наблюдения за нами, он задавал нам специально бесконечное количество вопросов, создавал проблемные ситуации и всё это фиксировал и анализировал потом. Помню даже однажды моя младшая сестра, не выдержав очередного натиска его вопросов, сказала ему: «Ну почему ты всё время задаёшь такие глупые вопросы? Мама никогда ничего не спрашивает, она всё сама знает».

Припомнится, что как-то однажды шли затяжные дожди, и мы сидели дома. Затем дождь прекратился и уже к вечеру, когда стемнело, нас повели гулять. Поскольку всё было затоплено, мы ходили по улицам и неожиданно оказались на набережной Москвы-реки. И вот река в этот раз меня почему-то поразила. Она металась в своём каменном русле, а мост над ней казался незыблемым, вечным. Я была потрясена своим открытием. Домой еле добежала, не успев раздеться в коридоре, я кинулась в комнату, где взрослые пили чай, и кинулась к Льву Семёновичу и сказала: «Папа! Я знаю, откуда берутся реки!» Он, раздевая меня, снимая с меня пальто, спросил: «Откуда же?» Я ему торжественно объяснила: «Их роют возле мостов!» Папу очень позабавило моё открытие, он весело смеялся, правда, это меня почему-то никогда не обижало. А когда я стала взрослая, в одной из его работ – «Обучение и развитие в дошкольном возрасте» - я нашла описание этого случая, которое вводилось такими словами: «Одна знакомая девочка мне сказала...» Я хорошо знала эту девочку.

Факт того, что мне приходилось быть испытуемой даже запечатлён на плёнку. В 28-ом году Николай Александрович Бернштейн снимал какой-то фильм, в который входил эксперимент

Льва Семёновича. На плёнке запечатлено, как окончив эксперимент Лев Семёнович, по-видимому, был доволен своим результатом, потому как он меня ласково похлопал по щеке. Был ещё один случай, который свидетельствует, что, не смотря на то, что он очень дорожил своими детьми и отношением с ними, если он занимался наукой, он забывал обо всём на свете.

Так мой первый в жизни школьный день. Папа отвёз меня в школу. Мы жили ещё на даче, не успев перебраться в город. И выяснив у учительницы, когда мы освободимся, сказал мне: «Вот тут во дворе, вы освободитесь около 12-ти, ну, минут 15 придётся меня подождать. Никуда не уходи, жди здесь! Я за тобой приду». Кончились уроки, все дети выбежали во двор. Дети все кроме меня учились в нулёвке, поэтому они соскучились друг по другу. Немного пообщавшись, разошлись по домам. Я осталась в огромном дворе одна! Начали собираться ученики второй смены. Прозвонил звонок, и они ушли в школьное здание, я опять осталась одна. Прошло бесконечно много времени, несколько часов, когда я затосковала. Я видела, как в одну сторону прошла демонстрация, как в другую сторону вернувшие с Красной площади... Я оставалась стоять одна, мне стало очень жалко себя и я потихоньку заскулила. Ко мне подошла какая-то милая, добрая женщина и сказала: «Что ты делаешь здесь, девочка?» Я сказала: «Жду папу». «Он должен за тобой прийти?» «Да», - ответила я. «Ну что же? Хочешь я провожу тебя домой?» Я объяснила, что домой мне идти нельзя. Квартира заперта, и все обитатели квартиры на даче, кроме папы, который должен за мной прийти. Ну, тут начали подходить ко мне другие люди. Начали всячески высказывать свои соображения по этому поводу. Мне стало совсем тоскливо, и я расплакалась всерьёз и надолго.

Тогда кто-то из присутствующих сказал: «Что же тебе не стыдно? Такая большая девочка и не знаешь домашнего адреса». Я, вытирая слёзы, объяснила, что знаю адрес, но идти туда нельзя, квартира заперта. Какая-то женщина сказала: «Знаешь что? Ну, пойдём ко мне домой, я тебя накормлю, ты отдохнёшь, а потом мы будем думать, как разыскать папу». Но я отказывалась уходить, потому что в глубине души надеялась, что он обо мне вспомнит. Наконец, это было около четырех часов, она, посмотрев в переулок, сказала: «Посмотри, пожалуйста, это не твой ли папа бежит по переулку?» Я увидела бегущего папу и, даже не поблагодарив добрую, милую женщину, кинулась ему на встречу. Мне хотелось его отвести от этих

разъяренных родителей, я боялась, что его линчуют, высказывая возмущение его поведением. Оказалось, что после лекции, которую он читал, ему начали задавать вопросы, и он потерял представление о времени. Так с ним, увы, часто случалось! Когда мы приехали на дачу, я ни слова не сказала о том, что мне пришлось пережить в течение этого дня, но папа, чувствуя себя страшно виноватым, сам рассказал обо всём домочадцам. Вот так началась моя школьная жизнь!

Мне хочется пожелать конференции успешной работы, а всем её участникам – всем вместе и каждому отдельно – интересных встреч и интересных находок!